

ными, явно не вымышленными живыми подробностями, эти последние могли быть известны лишь очевидцу или участнику самого убийства. Думаем, что такими информаторами могли быть попы, сопровождавшие Бориса и Глеба, конечно, не убитые агентами Святополка (попов били смерды) и, вероятно, пришедшие в Вышгород, куда сразу привезли убитого Бориса; его тело, возможно, и сопровождал тот «попин», который упомянут в «Сказании» как очевидец смерти Бориса. Их рассказы и могли быть зафиксированы в вышгородских записях, равно как сведения об обстоятельствах поисков останков Глеба на пустынном Смядынском урочище под Смоленском. Эти записи дополняли сравнительно скурые данные, отраженные в летописной повести 1015 г. Их материал был по-разному использован Нестором и Лазарем.¹³³

«Чтение» Нестора характеризуется отвлеченностью изложения. Он составлял церковное житие, следуя образцам греческих агиографов.¹³⁴ В связи с этой задачей он оставлял без внимания живые подробности вышгородских записей, от конкретности он стремился к абстрактности. Видимо, его признание, что он «от многих мала въписах»,¹³⁵ говорит о его отношении и мере использования им своего источника — вышгородских записей. Его малый литературный опыт сказался в промахах или пропусках при выборке материала. Таково упоминание о клетской церкви, при отсутствии своевременного указания о ее постройке. Данные о житейских причинах пожара церкви Василия противоречат сентенции Нестора о божественном промысле. Сохранение реальных подробностей о схватке в ладьях в рассказе о смерти Глеба и деловых обстоятельствах постройки деревянных храмов идет вразрез с общим абстрактным стилем изложения. «Чтение» в целом освобождено от «земных» подробностей, имен и географических определений. По меткому замечанию С. А. Бугославского, Нестор «игнорирует действительность», а «исторические интересы стоят на последнем месте».¹³⁶ Божественный промысел руководит действиями людей. Борис и Глеб — образцовые святые, стремящиеся чуть не с рождения к мученичеству. Их «житие и страсть» — доказательство узкофеодальной династической морали: подчинение младших князей старейшим является высшим законом междукняжеских отношений. Чудеса от мощей святых князей освещены с позиций авторитарного мышления церкви: они, как и вера, не требуют, по мнению Нестора, доказательств. Изложение чудесных исцелений и помощи князей узникам равно и бесстрастно, лишено человеческих эмоций и социальной окраски. Вступление к «Чтению» с его церковно-исторической концепцией о первостепенном значении христианского русского народа в мировой истории не ново и не оригинально. Оно напоминает «Слово» Илариона, с которым имеет и ряд текстуальных параллелей.¹³⁷ Оба произведения были рассчитаны на узкую аудиторию феодальных верхов. Однако «Слово» неизмеримо выше «Чтения». «Слово» — произведение широкого философского и исторического размаха, торже-

¹³³ Н. К. Никольский, возражая против возможности отнесения «Сказания» в целом ко времени после 1115 г., полагал, что трудно доказать единство памятника по содержанию и по данным дошедших списков. Вторым доводом было утверждение, что «Сказание» должно было предшествовать Повести временных лет, так как составитель ее пользовался уже «готовыми материалами» о Борисе и Глебе (см.: Никольский. Материалы... , стр. 257). Таким материалом как для «Сказания», так и для Повести были одни и те же вышгородские записи, составившиеся тем же Лазарем и, может быть, близкие к «Сказанию» по содержанию и стилю.

¹³⁴ С. А. Бугославский. К вопросу... , стр. 155.

¹³⁵ Д. И. Абрамович. Жития... , стр. 26.

¹³⁶ С. А. Бугославский. К вопросу... , стр. 164, 172.

¹³⁷ С. А. Бугославский. К вопросу... , стр. 145—147.